

Власова Татьяна Ивановна
Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта им. акад. В. Лазаряна.
Доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой «Филология и перевод»

ВЛАСТЬ И ГЕНДЕР: ФЕМИНИСТСКИЕ НАРРАТИВЫ И ГЕНДЕРНЫЕ ДИСКУРСЫ

В течение последних десятилетий теоретики феминизма и исследователи гендера провели фундаментальную научную работу, раскрывая социальный характер гендерного порядка, выступая против господствующих гендерных идеологий, опровергая андроцентристский тезис о врожденной подчиненности женщин, их биологической неспособности активно участвовать в публичной сфере, в системе государственного управления, тем более, на уровне принятия решений [1]. Убедительная аргументация таких исследователей, как С. Оукин, С. Кэрролл, П. Дейчер, К. Делфи, Л. Зерилли, Ж. Ллойд, К. Пэтимен и многих других показала несправедливость исключения женщин из сферы той деятельности, которая является ключевой для человечества и которая дарована мужчинам «законом природы», – сферы политики и государственного управления. Но, хотя гендерные исследования научно обосновали возможности нового подхода для анализа политических трансформаций, систем доминирования и механизмов властного дискурса, очевидно, что пока еще рано говорить о гендерной симметрии в обществе, культуре или политике.

Как новая предметная и проблемная область науки гендерные исследования находятся в фазе своего становления, что в полной мере относится к нашей стране, где сам термин «гендер» стал активно использоваться лишь в русле постсоветских трансформаций 90-х годов прошлого века. Гендерная методология, ослабив ту политическую «ангажированность», в которой зачастую обвинялся феминизм, уверенно утверждается как перспективный научный подход в гуманитарных и социальных науках: в философии, социологии, истории, политологии, литературоведении, лингвистике, психологии, культурологии. Во всех гранях своей междисциплинарности гендерные исследования всегда уделяют большое внимание проблеме властных отношений, способам воспроизводства существующих политических режимов в их гендерном измерении. Особое место властных отношений в гендерной проблематике предопределило интенсивное развитие гендерной политологии; с другой стороны, гендер безусловно вошел в концептуальный аппарат политических исследований, политической экономии, социальной политики. Например, в последнее десятилетие гендерная проблематика стала неотъемлемой частью неинституционализма, методология которого позволяет по-своему уточнить гендерные подходы, дополнить и детализировать их. И в том, и в другом случае исследователи стремятся учесть исторический контекст, связать макрокультурные процессы с повседневностью, с тем, что происходит на

микроуровне властных отношений [2, с. 69-70]. В рамках неoinституционализма гендер рассматривается как важнейший общественный институт, а гендерный порядок определяется как институционализация осознаваемых половых различий. Неoinституционалисты подчеркивают, что гендерный порядок встраивается в организации, в их институциональный уклад. Последнее, по сути, – то, что С. Бем называет «линзами гендера»: скрытые предписания в отношении пола и гендера остаются внедренными в культурные дискурсы, общественные институты и души людей; «эстафета мужской власти» исподволь и систематически передается от поколения к поколению. С. Бем подчеркивает, что «линзы гендера» не только задают ракурс восприятия общественной действительности, но формируют эту социальную реальность. Они «встроены» в общественные институты, и потому их действие всегда ощутимо [3, с.34]. Описывая гендер как «созданное и создаваемое», и исследователи гендера, и неoinституционалисты подчеркивают, что гендер создан в той мере, в какой он образован и конституирован культурной и исторической ситуацией.

В этой связи важно подчеркнуть, что общественная жизнь состоит из «паутины» связей и взаимодействий между многочисленными взаимообусловленными позициями, конфигурация которых непрерывно сдвигается. Эти «подвижки» создают условия как для воспроизводства гендера, так и эрозии долговременных образцов. Так возникают моменты беспорядка и открытого сопротивления установленным нормам, которые могут стать источником инноваций. Здесь, как представляется, можно провести аналогию с теоретическими положениями И. Пригожина, который описывает культуру в терминах нестабильности, флуктуаций и бифуркаций. Как пишет И. Пригожин, науки, изучающие сложность мира, показывают, что «событие» представляет собой возникновение новой социальной структуры после прохождения бифуркации: «вообще говоря, бифуркации служат одновременно показателем нестабильности и показателем жизненности какого-либо рассматриваемого общества» [4, с.64-65]. Таким безусловным моментом бифуркации был раскол Советского Союза, когда в начале 90-х годов Украина оказалась в ситуации выбора пути развития, когда привычный гендерный порядок принципиально мог быть изменен. Внезапный «конец коммунизма» катапультировал десятки миллионов женщин СССР и социалистических стран Восточной Европы в общество «позднего капитализма», в потребительское общество, где нет социальной защиты для матерей, инвалидов и пожилых людей, нет бесплатного образования и здравоохранения. В течение двух-трех лет (1989-1991) миллионы женщин, используя знаменитую метафору М. Горького, оказались «на дне». Но, несмотря на то, что они потеряли работу, пенсии, вклады в банках, пособия для многодетных семей и т.д., общественного протеста женщин не было. Женщины получили демократические «свободы», но это была свобода покупать товары и услуги за деньги, которых у них не было, свобода с дипломом престижного университета торговать на рынке, называя себя «предпринимателем», в худшем случае – свобода торговать своим телом. У женщин появилась свобода «отдаться» консьюмеризму, продав тело, душу и ум, или – свобода голодать, просить милостыню, стоя на паперти. Как образно пишет Г. Гриер, «дверцу в

клетке открыли, но канарейка отказалась вылетать». Противники феминизма приобрели еще один «валидный» аргумент: дверцу в этой клетке не следует открывать вообще, потому что канарейки созданы для жизни в плену [5, с.14].

Тот гендерный порядок, который сложился в начале 90-х годов на постсоветском пространстве, специалисты квалифицируют как «государственный патернализм, основанный на формальной норме равноправия полов и скрытой дискриминации женщин». В собственно политической сфере – как «имитационную политику гендерного равноправия, которая строилась на сочетании скрытой маргинальности женщин и их демонстративной псевдополитической активности» [2, с.72]. Провозгласив идеалы демократии и свободного рынка, государственные деятели и в России, и в Украине были вынуждены принять дискурс гендерного равноправия. Одновременно с распространением дискурса «прав женщин» другие акторы (например, церковь) стали настойчиво апеллировать к традиционным гендерным ценностям. В Украине – это широко известный концепт Берегини, возникший в контексте украинского национального подъема 80 – 90-х годов и вскоре ставший неотъемлемой составляющей официального государственного дискурса. Как отмечают исследователи, сохранились и советские подходы к решению «женского вопроса», например, у лидеров и активистов ряда политических партий. Выбор, как известно, был сделан в пользу институциональной логики модерны.

За прошедшие два десятилетия в положении украинской женщины произошли существенные перемены противоречивого характера. Женщина много потеряла в своей конкурентной способности, так как ее рабочая сила усложнена тем, что называется «позитивной дискриминацией». Одновременно наблюдается естественная активность женщин «снизу»: появились сотни реальных женских организаций, гендерных центров, кризисных центров и т.д. С другой стороны, для женщин в нашей стране двери в публичное пространство по-прежнему лишь слегка приоткрыты. Навязывая собственные иерархии ценностей и статусов, властные дискурсы устанавливают, по словам П. Бурдые, свое видение социального мира и свои позиции в этом мире. Умная и энергичная женщина по-прежнему не востребованы во властных структурах. Дискриминационные практики на рынке труда несмотря на более высокое профессиональное образование женщин приводят к тому, что их статус не только ниже: он формирует каркас социальной пирамиды, в соответствии с которой, чем выше положение работника, тем ниже доля женщин на этом уровне. Женщины и мужчины по-прежнему имеет разный доступ к ресурсам и статусным достижениям.

Более того, и гендерные исследования, и феминистская философия, несмотря на свои впечатляющие научные достижения, и сейчас рассматриваются многими представителями науки как нечто вторичное, конъюнктурное, несерьезное, то есть многовековой патриархатный «запрет на речь» женщин и сейчас вызывает некоторую ностальгию в мире маскулинных стандартов. «Закон отца» (в данном случае – научных авторитетов) уже не может отказать женщинам в праве на репрезентацию, но с помощью

всевозможных манипуляций пытается эту репрезентацию представить в негативном свете. Все это происходит на фоне перманентных предсказаний «смерти феминизма», исходящих из уст ученых, представляющих академические традиции. Ситуация осложняется тем, что между феминизмом и гендерными исследованиями, действительно, существует определенный «конфликт взаимодействия» [6, с. 30 - 54]. Но нужно подчеркнуть: и гендерная наука, и феминизм единодушны в том, что, хотя экономическое, социальное, политическое и идеологическое угнетение лишает женщин свободы, нет причин для выводов о невозможности борьбы женщин за гендерное равенство.

Дискуссии о том, какова роль феминизма в стратегических вопросах гендерных трансформаций остаются острыми. В фокусе дебатов находятся следующие важные проблемы: являются ли женщины коллективным субъектом политики, обладает ли женское движение тем единством воли, которое создает политическое «мы», есть ли вообще такое политическое понятие, как «женщины», и, следовательно, существует ли некая универсальная основа феминизма. Все эти спорные вопросы возникли в теоретическом русле постмодерной философской мысли и, безусловно, имели определенные основания. Например, в 90-х годах некоторые исследователи гендера стали подвергать критике само слово «женщина», утверждая, что это слово, используемое в единственном или во множественном числе, навязывает гомогенность и стирает различия между женщинами. Таким образом, в современных феминистских теориях категория «женщины», превратившись в «поле различий», в силу своей плюралистичности не может выступать как объединительная. Донна Харауэй отмечает: трудно определить феминизм одним прилагательным, риск «исключения» посредством «называния» очень высок. Идентичности выглядят противоречивыми, неполными и «стратегическими»; гендер, раса и класс не могут обеспечить основу для «эссенциалистского единства». Таким образом, нет ничего, что «естественно» связывало бы женщин. Утверждается, что нет такого состояния – «быть женщиной», поскольку это очень сложная категория, сконструированная в конкурирующих научных дискурсах и социальных практиках. Осознание гендера, расы или классовой принадлежности – это достижение, навязанное печальным историческим опытом противоречивой социальной реальности патриархата, колониализма, расизма и капитализма. «Мы» – это мощный политический миф, пишет Д. Харауэй, задавая далее вопрос: какие идентичности имеются в распоряжении для обоснования этого мифа? Тем более, что «болезненная фрагментация» феминисток (не говоря уже о женщинах в целом) сделала ускользающим сам концепт «женщина» [7, с.197].

В результате возникает впечатление, что «феминизмы», разлагая категорию субъекта, лишают женщин фундамента для коллективных действий [8, с.104]. Описание угнетения женщин, их истории или культурной перспективы, казалось, приведет к тому, что они сами обнаружат общую идентичность в своих отношениях, в сопротивлении определенным модусам мысли и опыта. Последнее не произошло. «Организованные» феминистки – это хорошо известные в публичных сферах немногочисленные представительницы

государственного дискурса: одни и те же лица появляются на ТВ при обсуждении гендерных проблем. При этом они имплицитно выступают в роли лидеров движения, которое в нашей стране не имеет лидеров. С другой стороны, безусловно, есть феминистки, которые служат определенным идеалам и продвигают понятие гендерного равенства: социального, политического, правового, экономического, морального; те, кто борется с дискриминацией, используя такие средства борьбы, как интеллект и преданность своему делу. В методах и приемах своей работы они опираются на то, что Г. Спивак, авторитетный ученый-неомарксист, называет рабочим, «операционным» эссенциализмом [9]. Российские исследовательницы говорят в этом случае о «стратегическом эссенциализме» [8, с.105].

Таким образом, все согласны, что задача, стоящая перед феминизмом, – сделать понятие «женщины» политически релевантным в борьбе за эмансипацию и минимизировать влияние различных интерпретаций. Использование категории «женщины» как политической категории вполне правомерно хотя бы потому, что она уже функционирует как одна из ключевых в системе других политических категорий. Более того, категория «женщины» нужна самым женщинам для того, чтобы обеспечить рост их политического представительства, чтобы активнее участвовать в принятии важных политических решений.

Исторические и культурные основания для гендерных исследований в Украине и за рубежом имеют как общие, так и специфические особенности, которые необходимо учитывать при анализе. Но именно многозначность и взаимосвязанность точек зрения разных культур делают гендерные идеи открытыми для дискуссий и, следовательно, развития. Ученые подчеркивают: женщины как группа не гомогенны и нельзя игнорировать различия, существующие между женщинами. С другой стороны, нельзя разрабатывать теорию, вычленяющую женщин из всех остальных общественных отношений. Но здесь существует возможность и другой ошибки, связанной с отказом от самой идеи согласованной феминистской позиции как общего дела. Доведенная до крайности, отрицая возможность коллективных действий, такая позиция может лишить феминизм всякого смысла и содержания.

Начало XXI века являет в нашей стране некий «тупик» феминизма: количество женщин в Верховной Раде катастрофически низкое, женщины в серьезном бизнесе составляют пугающее меньшинство, модель женской занятости полностью соответствует метафорам «липкий пол» и «стеклянный потолок». Безусловно, ни о каком «прорыве» женщин к уровню принятия решений в таком контексте не может быть и речи. Следует признать также, что проблемы места и роли женщин в обществе украинский политикум не относит к числу важнейших социальных и политических проблем, и мы не можем сказать, что женщины во власти в нашем обществе – это реальный факт, имеющий тенденцию к развитию. В то же время многие понимают, что не учитывать гендерную составляющую видения мира уже невозможно. Дальнейшее движение в этом направлении предполагает как достаточно глубокое обновление политической теории, так и уменьшение разрыва между

гендерным равноправием де-юре и де-факто. Помогут в этом только коллективные действия. Разделяя мнение, достаточно широко распространенное в феминистской среде, о том, что теоретик должен быть активно вовлечен в социальную действительность, мы уверены, что теоретические заявления о приверженности феминизму или методологии гендерных исследований должны соответствовать общим феминистским ценностям: гендерная наука не может существовать независимо от идеологии.

1. Гендерная реконструкция политических систем/ Ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. – СПб.: Алетейя, 2004. – 992 с.
2. Айвазова С. Г. Гендерный порядок в России: возможности и пределы модернизации/Светлана Григорьевна Айвазова//Новые направления политической науки. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2007. – С. 69 - 83.
3. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов/ Сандра Бем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 336 с.
4. Пригожин И. Кость еще не брошена. Послание будущим поколениям/ Илья Пригожин//Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 224 с.
5. Greer G. The Female Eunuch/Germaine Greer. – London, New York: Harper Perennial, 2006. – 397 p.
6. Власова Т. И., Скиба Э. К. Гендер и феминистская теория в философии постмодерна. Монография. – Днепропетровск: Из-во «Маковецкий», 2011. – 124 с.
7. Haraway D. A Manifesto for Cyborgs//Feminism/Postmodernism. – Ed. L. Nicholson. – New York and London: Routledge, 1990. – P. 190 - 233.
8. Кукаренко Н. Н. Гендерное неравенство и субъект феминистских политик//Новые направления политической науки. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2007. – С. 100 - 106.
9. Spivak G. Explanation and Culture//Marginalia/Gayatri Spivak//In Other Worlds.– New York and London: Routledge, 1987. – P. 107 - 113.